

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА МАДЖУГА

аспирант кафедры русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
mnn91@bk.ru

ИНВЕКТИВНАЯ ФУНКЦИЯ РУССКИХ ЗООНИМОВ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИИ

Целью статьи является анализ функционирования инвектив-зоонимов *борзый* и *крыса*. Новизна исследования заключается в том, что в основу лингвистического анализа инвектив-зоонимов положена концепция «фиксации и функционирования», предполагающая комплексный анализ словарей, фиксирующих исследуемое слово, и рассмотрение примеров его употреблений с сайтов юридической помощи, Национального корпуса русского языка, а также опубликованных текстов лингвистических экспертиз. Выделены следующие критерии, выполнение которых позволяет отнести слово в разряд инвективных единиц: критерий адресата, выявляемый из исследуемых контекстов с юридических сайтов, критерий наличия бранного характера, маркируемый пометами из словарей современного русского языка, и функциональный критерий, основанный на интенции адресанта высказывания, которое содержит инвективу, и предполагающий использование инвективной единицы в функции, подразумевающей намерение породить конфликт. С помощью метода количественных подсчетов было выявлено процентное соотношение употреблений слов *борзый* и *крыса*, для которых в сфере фиксации и сфере функционирования выполняются указанные критерии. Таким образом, слово *борзый* стоит отнести к разряду «потенциально инвективные слова» (для которых критерии инвективности выполняются менее чем в 50 % фиксаций), а слово *крыса* – к разряду «слова с инвективной коннотацией» (для которых более чем в 50 % фиксаций выполняются указанные критерии). К третьему разряду – «собственно инвективные единицы» – относятся слова, для которых более чем в 90 % случаев выполняются критерии инвективности. Это преимущественно обценная и бранная лексика. Предполагается, что предложенная концепция «фиксации и функционирования» инвективных единиц, а также метод комплексного лингвистического анализа инвектив и классификация инвективных единиц, предложенные автором, могут лечь в основу отбора слов для будущего юрислингвистического словаря инвективных единиц, предназначенного для лингвистов-экспертов. Инвективы-зоонимы должны войти в такой словарь отдельной тематической группой.

Ключевые слова: инвективы-зоонимы, *борзый*, *крыса*, инвектива, инвективная функция, концепция «фиксации и функционирования», критерии инвективности, классификация инвективных единиц, словарь инвективных единиц

Общеизвестно, что многие русские зоонимы относятся к древнейшему, общеиндоевропейскому пласту лексики. Слова, обозначающие названия животных, сумели не только закрепиться в языке человека, но и приобрести дополнительные функции (помимо номинативной), например оценочную или символическую, зачастую изменив при этом свою аксиологическую «тональность» с нейтральной на откровенно негативную (например, в русском языке – *козел*, *овца*, *медведь*, *крыса* и др.). Часто ученые различают термины «зооним» как наименование животного в прямом значении и «зооморфизм» как «метафорически мотивированное имя лица» [9]. Следует отметить, что терминология этой группы лексики в современной лингвистике весьма многообразна («зоометафора», «зоосемизм», «зооморфизм» и др.), однако в настоящей статье употребляется традиционный термин «зооним» как название животного с констатацией его возможного устойчивого лексико-семантического варианта как обозначения человека (*корова*, *свинья*, *кот* и под.).

В современной юридической практике достаточно актуальны запросы на лингвистическую экспертизу о «степени оскорбительности», бранности целого ряда русских слов-зоонимов (чаще всего это дела по ст. 152 ГКРФ «О защите чести, достоинства и деловой репутации»). Многочисленны подобные запросы и на сайтах юридической помощи¹. Возникают как минимум два вопроса, имеющих как теоретические, так и практические перспективы. 1) Почему названия некоторых животных применительно к человеку становятся столь популярной и устойчивой инвективой на протяжении многих лет? – На сей счет любопытно мнение Ф. Н. Гукетловой о том, что устойчивое отрицательно-оценочное значение зоонимов объясняется их способностью «фиксировать нарушаемую норму поведения» человека как существа, явно противопоставленного миру природы [6: 123]. Примерно о том же рассуждает и В. К. Харченко, поэтически сравнивая «театр зверей» с «зеркалом, в которое смотрит социум, боясь оскорбляющих человеческое

достоинство аналогий» [11: 110]. 2) Почему некоторые инвективы-зоонимы функционируют в современном языке настолько активно, что вытесняют более новые «обидные» слова, такие, например, как инвективы-заимствования *идиот*, *дебил*, *дусть* и др.

Существует много исследований, посвященных инвективности зоонимов, и всякий раз авторы подчеркивают социокультурные и исторические характеристики зоонимов, их неслучайность и национальную маркированность. Так, Н. В. Венедиктова отмечает, что, например, слово «петух» приобретает «оскорбительный статус» благодаря своему жаргонному происхождению. Часто лексема, воспринимаемая нейтрально или даже положительно, в определенных социальных группах приобретает подчас неожиданные, обладающие оскорбительным характером значения (например, «петух» или «козел» – самые оскорбительные характеристики в уголовном жаргоне) [3]. Г. З. Гайнетдинова рассматривает тот же зооним в сопоставительно-лингвокультурном аспекте, приводя данные о его функционировании в английском языке:

Негативное отношение вызывается у англичан к людям, которые хвастаются, много говорят, не слушая своего собеседника, сплетничают, так как англичане консервативный и эмоционально сдержанный народ. Они нередко прибегают к следующим зоонимам-инвективам: *cock* хвастливый мужчина; *magpie* болтун <...> можно констатировать, что для унижения человека, указывая на его нравственно-моральные качества, употребляются такие зоонимы-инвективы <...> *cock* петух, *magpie* сорока, *donkey* осел [4].

Иными словами, исследователи чаще всего констатируют уже состоявшееся негативное сознание как один из устойчивых лексико-семантических вариантов современного слова-зоонима.

Интересны запросы о лингвистической характеристике некоторых устаревших инвектив-зоонимов. В частности, на сайте юридической помощи встречаем вопрос: «Является ли слово борзый оскорблением?»² Краткий лексикографический экскурс дает следующую информацию о значении этого слова в интересующем нас аспекте. В «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой отсутствует негативный оттенок значения этого слова: «устар. и народно-поэт. Быстрый, резвый (о коне)»³. Однако в Словаре синонимов В. Н. Тришина (2013) в зоне толкования слова «борзый» находим близкие по значению слова с отрицательной коннотацией: дерзкий, заносчивый, наглый, нахальный⁴. Интуитивно носители современного русского языка воспринимают это субстантивированное прилагательное как обладающее отрицательным оттенком значения, способное нанести речевое оскорбление адресату. Неудивительно, что в отношении слова «борзый» у эксперта возникают сомнения:

Хотя по своему буквальному смыслу оно означает «быстрый, скорый, внезапный», его можно рассматривать как грубое, унижающее личное достоинство.

Однако административного состава не будет. Доказывайте в гражданском порядке, требуйте возмещения морального вреда. Но если будет проводиться экспертиза, Вы столкнетесь с вышеуказанным значением. Следует согласиться с мнением этого специалиста о том, что современная лексикография не даст полноценного материала для лингвиста-эксперта в квалификации этого зоонима как явно оскорбительного.

У других же слов (*крыса*, *свинья* и под.) инвективность, как кажется, проявлена более отчетливо. Так, «крыса» имеет весьма частотную употребляемость в запросах на сайтах юридической помощи.

Являются ли оскорблением слова в смс – крыса проклятая и сдохни? Сейчас меня жена по телефону назвала последней крысой! Является ли это оскорблением? При этом она находилась у участкового и он это слышал! Ссылаясь на какую статью, я могу написать заявление?

Примечательно, что специалисты в обоих случаях дают положительный ответ на заданный вопрос (соответственно – «да, является таковым» и «Можете подать жалобу в прокуратуру по факту ст. 5.61 КоАП РФ (оскорбление)»). Отметим, что, в отличие от слова «борзый», «крыса» чаще употребляется в составе двухкомпонентного словосочетания. Переносное значение с отрицательным компонентом, фиксируемое большинством словарей (например: «2. с определением. Разг., пренебр. О человеке, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное. Архивная крыса. Тыловая крыса»⁵), усиливается с помощью определений «архивная», «тыловая» и др. Возможно, специалисты в своих ответах категоричны еще и потому, что в запросах об инвективности зоонима «крыса» оба примера представляют собой словосочетания – «крыса проклятая» и «последняя крыса». Такая разница в комментариях специалистов (в сфере функционирования рассматриваемых слов «борзый» и «крыса»), а также наличие или отсутствие помет, указывающих на оскорбительный, бранный, пренебрежительный характер каждой из этих лексем в словарях русского языка (в сфере фиксации слов), позволяют говорить о различной степени инвективности у исследуемых единиц. Очевидно, что слово «крыса» в сочетании с определением обладает большей степенью инвективности, чем слово «борзый». Подтверждается это примерами из «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой и других словарей русского языка: в большинстве из них слово «крыса» сопровождается пометами «разг.», «пренебр.»⁶, «разг.», «презр.»⁷, «презр.», «устар.»⁸.

Осознание того факта, что инвективная функция по-разному проявляется в словах, в том числе и в такой тематической группе, как зоонимы, безусловно, поможет решению некоторых лингвоюридических и юридических задач, и прежде всего – проведению экспертами лингвистической экспертизы, способствующей вынесению судом справедливого решения по делам о защите чести,

достоинства и деловой репутации. В частности, Н. Д. Голев впервые отметил необходимость создания особой «шкалы для измерения лексики – степени инвективности» [5].

Интересны попытки некоторых лингвистов измерить степень инвективности зоонимов по результатам опросов современных носителей русского языка (например, у А. С. Маслова [10]). Однако зачастую объективность данных таких опросов вызывает многочисленные споры и справедливое недоверие. Поэтому обратимся к иному методу выявления «шкалы инвективности».

При проведении шкалирования необходимо учитывать, как нам кажется, наличие у слова основных критериев инвективности, выводимых из большинства определений инвективной лексики (например, «лексика, употребление которой содержит намерение оскорбить или унижить адресата речи или третье лицо» [7]), – обидный, оскорбительный, бранный, пренебрежительный, унижительный характер высказывания, а также критерий адресата, подразумевающий направленность высказывания на конкретное физическое лицо.

В юридической лингвистике произнесение инвективы предполагает особую форму речевого поведения, или речевой акт, который должен произойти, чтобы состоялось оскорбление: «Другими словами, когда мы используем речевой акт “оскорбление”, мы тем самым выполняем действие, то есть оскорбляем» [2: 95].

По словам К. И. Брилева,

акт оскорбления бывает двух видов – контактный и дистантный. При дистантном инвективном акте необходим третий участник, который и является каналом передачи информации об оскорблении лица [2: 96].

Таким образом, даже высказывание, произнесенное в отсутствие адресата, может содержать инвективу. Тем не менее наличие адресата, его контактное или дистантное присутствие обязательны, и представляется, что осуществление речевого акта оскорбления невозможно без выполнения указанных критериев, которое можно подтвердить или опровергнуть для каждого случая с помощью концепции «фиксации и функционирования», предполагающей комплексный анализ обеих сфер – фиксации и функционирования – исследуемого слова и позволяющей отнести его к определенному месту на шкале инвективных единиц.

О выполнении первого критерия, «бранный, оскорбительный характер», может свидетельствовать сфера функционирования слова – наличие у него соответствующего значения, зафиксированного в словарях современного русского языка, сопровождающегося пометами «бран.», «пренебр.», «презр.», «сниж.». Выполнение второго критерия, «критерия адресата», можно подтвердить с помощью анализа сферы фиксации слова, доказав, что оно употребляется в рассма-

триваемом контексте в инвективном значении, указанном в словаре, с помощью показаний или утвердительных комментариев с сайтов, оставленных юристами – носителями русского языка, а также примерами с функционированием слова в инвективном значении, встречающимися в Национальном корпусе русского языка⁹.

Исходя из процентного соотношения выявления у инвективных единиц указанных критериев предлагается разделить их на три группы: собственно инвективные (для которых более чем в 90 % случаев всех анализируемых фиксаций в современном русском языке выполняются указанные критерии – это чаще всего обценная, ненормативная лексика), содержащие инвективную коннотацию (для которых более чем в 50 % фиксаций выполняются указанные критерии) и потенциально инвективные (при менее чем 50 % фиксаций, соответствующих критериям).

Проанализировав источники сфер фиксации слов «борзый» и «крыса» в сочетании с определением, мы пришли к выводу о том, что первое слово стоит отнести к разряду «потенциально инвективные слова», а второе – к разряду «слова с инвективной коннотацией». Так, в отношении слова «борзый» выявлены следующие статистические данные: менее 50 процентов вхождений из НКРЯ отвечают указанным критериям, то есть выступают в инвективном значении. Анализ словарей современного русского языка подтверждает эти данные: только в двух из 10 рассматриваемых источников отражено инвективное значение: в словаре русского арго В. С. Елистратова «1. Наглый, нахальный, агрессивный. 2. В зн. сущ., БОРЗЫЙ, -ого, м. (или борзой конь). Нахал, наглец; человек, ведущий себя неуважительно по отношению к другим»¹⁰ и упомянутом ранее словаре синонимов В. Н. Тришина. Также нельзя не принять во внимание комментарий специалиста с юридического сайта, не дающий однозначного ответа на вопрос о наличии оскорбления.

Слово «крыса» гораздо чаще встречается в инвективном употреблении. Более чем в 50 % указанных словарей находим соответствующие пометы и сниженное значение. Примеры с инвективным употреблением из корпуса и с юридических сайтов, приведенные выше, подтверждают эти данные.

При таком анализе употреблений необходимо учитывать и третий, функциональный критерий, связанный с адресантом высказывания и предполагающий использование инвективной единицы в функции, подразумевающей интенцию адресанта к порождению конфликта. Так, рассматривая конфликтное функционирование антропонимов, Н. А. Бикейкина приводит несколько функций, справедливых, как нам кажется, для зоонимов-зооморфов: «присвоение имени, выбор имени, перемена имени, исправление имени, использование имени в качестве средства

манипуляции», из которых последнее – использование адресантом зоонима как средства манипуляции – может быть дополнительным критерием для присвоения слову статуса инвективы [1]. Поясним важность третьего критерия. Даже при условии выполнения первых двух часто происходит так: автор – адресант порождает высказывание, имеющее междометный характер, или оскорбляет адресата не с целью, скажем, унижить его, а с целью дружеского подтрунивания. В ином случае высказывание, содержащее инвективу, выполняет, например, «катартическую функцию», целью которой является получение с помощью инвективы психологического облегчения [8: 109]. Помимо тех функций инвективы, которые наиболее важны для решения юридических вопросов (инвектива как средство понижения социального статуса адресата, инвектива как дуэльное средство и др.), В. И. Жельвис выделяет ряд других функций инвективных единиц, которые остаются за рамками данной статьи в силу их нерелевантности для лингвоюридического аспекта сквернословия: эти функции не вызывают вопросов у лингвистов-экспертов (например, «инвектива как средство дружеского подтрунивания или подбадривания», «криптолическая» функция – использование жаргонных выражений в качестве пароля для коммуникации и др.). Рассуждая о той же функциональной проблеме оскорбления, К. И. Бринев отталкивается от понятия контекста, указывая на наличие или отсутствие так называемого инвективно жесткого контекста в качестве дополнительного условия для состоявшейся инвективы: «Инвективно жесткие контексты – это такие контексты, которые не реагируют на изменение пропозициональных установок» [2: 96], то есть при наличии «жесткого контекста» оскорбление остается речевым актом оскорбления даже в вопросительной форме, хотя вопросительность и может выступать в качестве смягчающей иллокутивной силы.

Введение третьего, функционального, критерия оправдано тем, что существует необходимость создания юрислингвистической классификации инвективных единиц, которая позволит

лингвистам-экспертам в каждом конкретном случае, при наличии определенного контекста и употребления инвективы в той или иной функции, с той или иной иллокутивной силой, дать ответ на вопрос о том, является ли то или иное словоупотребление оскорблением по статье 152 ГКРФ. В соответствии с этим из классификации для юрислингвистического словаря исключаются группы единиц, для которых не выполняются все три указанных критерия инвективности – наличие адресата, бранный характер и критерий адресанта, или функциональный критерий. Рассматривая функционирование инвективных единиц в юрислингвистическом аспекте, мы имеем дело с инвективной в узком смысле этого слова, адресант которой ставит целью унижить, оскорбить адресата речевого высказывания. Отбор таких слов, относящихся ко всем трем видам инвективных единиц – собственно инвективные, слова с инвективной коннотацией и потенциально инвективные единицы, сделанный на основе указанных источников сферы фиксации и сферы функционирования инвектив, и может стать основой будущего юрислингвистического словаря инвективных единиц, предназначенного для лингвистов-экспертов, а также студентов, обучающихся по направлению «юридическая лингвистика».

Очевидно, что инвективы-зоонимы должны войти в такой словарь специальной тематической группой с указанием вида по степени инвективности для каждой единицы, а также с указанием на тему, например, оценка внешнего вида (например, «кобыла»), оценка характера вообще (к примеру, «петух») или оценка единичного поступка (как в случаях со словом «крыса» или «борзый»), оценка слова / речи / манеры говорить и т. д. Каждую словарную статью необходимо снабдить примерами инвективного функционирования из Национального корпуса русского языка, юридических запросов с сайтов и опубликованных текстов лингвистических экспертиз. Такая концепция словаря, безусловно, будет способствовать решению практических задач, стоящих перед лингвистами-экспертами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вопросы лингвоэкспертного характера встречаются на сайтах юридической помощи онлайн, таких как <https://www.9111.ru/>, <https://pravoved.ru>.
- ² Юридическая Социальная Сеть 9111 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.9111.ru/> (дата обращения 12.04.2018).
- ³ Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. С. 108.
- ⁴ Тришин В. Н. Словарь синонимов ASIS [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (дата обращения: 21.07.2018).
- ⁵ Словарь русского языка... Т. 2. К–О. С. 141.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп / Под ред. В. М. Мокшенико, Т. Г. Никитиной, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs> (дата обращения 15.07.2018).
- ⁸ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения 17.07.2018).
- ⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 15.07.2018).
- ¹⁰ Елистратов В. С. Словарь русского арго. М.: ГРАМОТА.РУ, 2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russian_argo.academic.ru/ (дата обращения 21.07.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бикейкина Н. А. Лингвоконфликтологическое и юрислингвистическое исследование имени собственного: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com> (дата обращения 12.04.2018).
2. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
3. Венедиктова Н. В. Зоонимы как средство инвективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp> (дата обращения 12.04.2018).
4. Гайнетдинова Г. З. Функционирование зоонимов в инвективных высказываниях (на материале татарского и английского языков) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/16_ADEN_2010/Philologia/68569.doc.htm (дата обращения 12.04.2018).
5. Голев Н. Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v89.html> (дата обращения 12.04.2018).
6. Гукетлова Ф. Н. Образная основа внутренней формы зооморфизмов как смысловозначительный фактор мировидения // Вестник Адыгейского университета. Филология и искусствоведение. 2009. Вып. 2. С. 121–125.
7. Жельвис В. И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика // Этнопсихоллингвистика. М.: Наука, 1988. С. 98–108.
8. Жельвис В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд. М.: Ладомир, 2001. 352 с.
9. Лапшина М. Н. Семантическая эволюция английского слова: (Изучение лексики в когнитивном аспекте). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 159 с.
10. Маслов А. С. Использование индекса инвективности при характеристике зоометафор в современном русском языке // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 13. Вып. 18. С. 51–58.
11. Харченко В. К. Современная повседневная речь. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 184 с.

Madzhuga N. N., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

INVECTIVE FUNCTION OF RUSSIAN ZOONYMS IN THE ASPECT OF LINGUISTIC EXPERTOLOGY

The aim of the article is to analyze the functioning of the invective zoonyms *borzyj* and *krysa*. The novelty of the study lies in the fact that the conception of “fixation and functioning” is based on the linguistic analysis of invective zoonyms, which involves a comprehensive analysis of dictionaries that fix the word under study and the tokens of its usage from legal aid web-sites, the National Corpus of the Russian Language, and the published texts of linguistic expertise. The following criteria, the fulfillment of which allows to classify the word as an invective unit, are elicited: the criterion of the addressee, revealed from the investigated contexts taken from legal web-sites; the criterion of abusive character, marked with letters from dictionaries of the modern Russian language; and the functional criterion, based on the intention of the addressee of the utterance that contains an invective, and assuming the use of an invective unit in a function implying the intention to generate a conflict. The quantitative calculations method revealed the percentage ratio of using the words *borzyj* and *krysa*, which meet the specified criteria in the sphere of fixation and the sphere of functioning. Thus, the word *borzyj* is classified as a “potentially invective word” (for which the invectiveness criteria are met in less than 50 % of tokens), and the word *krysa* – as a “word with an invective connotation” (for which the specified criteria are met in more than 50 % of tokens). The third category – “actual invective units” – includes the words for which the invectiveness criteria are met in more than 90 % of tokens. These are mainly obscene and abusive vocabulary units. It is assumed that the proposed conception of “fixing and functioning” invective units, the method of complex linguistic analysis of invectives, and the invective units classification proposed by the author can form the basis for the selection of words for the future dictionary of invective units intended for linguistic experts. Invective zoonyms must be included into such dictionary as a separate thematic group.

Key words: invective zoonyms, *borzyj*, *krysa*, invective function, the concept of “fixation and functioning”, invectiveness criteria, invective units classification, dictionary of invective units

REFERENCES

1. Bikeykina N. A. Linguo-conflictological and forensic linguistic study of proper names: Diss. Cand. Sci. Abstr. (Philology). Novosibirsk, 2011. Available at: <http://www.dissercat.com> (accessed 12.04.2018). (In Russ.)
2. Brinev K. I. Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise. Barnaul, 2009. 252 p. (In Russ.)
3. Venediktova N. V. Zoonyms as a means of invective. Available at: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp> (accessed 12.04.2018). (In Russ.)
4. Gaynetdinova G. Z. Functioning of zoonyms in invective statements (using the material of the Tatar and English languages). Available at: http://www.rusnauka.com/16_ADEN_2010/Philologia/68569.doc.htm (accessed 12.04.2018). (In Russ.)
5. Golev N. D. Legal linguistic dictionary of the invective vocabulary of the Russian language (the formulation of the problem). Available at: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v89.html> (accessed 12.04.2018). (In Russ.)
6. Guketlova F. N. The figurative basis of the internal form of zoomorphisms as a sense-discerning factor of the worldview. *Bulletin of the Adyg University. Philology and art history*. 2009. Issue 2. P. 121–125. (In Russ.)
7. Zhelvis V. I. Invective strategy as a nation-specific characteristic. *Ethnopsycholinguistics*. Moscow, 1988. P. 98–108. (In Russ.)
8. Zhelvis V. I. The battlefield: Foul language as a social problem in the languages and cultures of the world. Moscow, 2001. 352 p. (In Russ.)
9. Lapshina M. N. Semantic evolution of the English word: (The study of vocabulary in the cognitive aspect). St. Petersburg, 1998. 159 p. (In Russ.)
10. Maslov A. S. The use of the invectiveness index for characterizing the zoometaphors in modern Russian. *Scientific Bulletin. Humanities series*. 2013. No 13. Issue 18. P. 51–58. (In Russ.)
11. Kharchenko V. K. Modern everyday speech. Moscow, 2010. 184 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 23.04.2018